

Кудрявцев Анатолий

26/IV-86

Сов. Россия, 1986, - 26 июня

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ТЕАТРАЛЬНЫМИ СПЕКТАКЛЯМИ

Беспокойная память Ивана

БУДЕТ ЛИ жива память?

Странный вопрос — покажется кому-то. Ведь для русского человека это нечто вроде постоянной величины. Мы же на памяти выросли! Нравственное чувство вообще крепко заложено в нас опытом жизни, традициями русской классической культуры. Есть, наконец, опыт истории, опыт последней войны — как об этом можно забыть? Да возьмите любую газету, и глаз тут же зацепит: «память о войне», «воспитание памятью», «память поколений»...

И все же вопрос остается открытым — он вечно будет открыт, в этом жизнь, сложная, противоречивая, выплескивающая на спор новые конфликты. Время потребовало обострить их. И эту потребность чутко уловили московские театры. Речь пойдет о двух спектаклях по пьесе молодого белорусского драматурга Анатолия Кудрявцева «Иван и Мадонна».

Казалось бы, в пьесе Кудрявцева нет ничего необычного. Взять хотя бы ее героя. В нашей литературе давно открыт этот тип простого русского мужика, вместе с которым пришла к нам подзабытая, мучительная тяга к духовным истокам, к земле, к новому наполнению души, совести, веры. После прозы Абрамова, Белова, Рас-

путина, после рассказов Шукшина особенно, Иван и впрямь не кажется абсолютно новым персонажем, хотя для сцены и непривычен такой простой, почти идеальный герой — безотказный, добрый, совестливый, честный, верный фронтовой памяти и долгу.

Но вот то, что с ним происходит... Идеальный герой в спектаклях Малого театра и Театра имени Пушкина попадает в странную ситуацию недоверия к нему. В чем тут дело?

Пожалуй, принципиальная удача спектакля Бориса Морозова на сцене Театра имени Пушкина в том и заключается, что режиссер понял и представил ситуацию так, как выписал ее драматург. Не столько Иван не принимает окружающих недостатков, сколько его не принимают. Все, что он ни делает, как ни идет навстречу людям, оборачивается против него же самого. Попробуйте перевернуть ситуацию и столкнетесь с традиционной упрощенной литературной схемой: явно положительный герой борется с заведомым злом. Кабы в жизни все было так просто...

Сложность пьесы Кудрявцева в том и состоит, что любое отступление от этой в общем-то новой для нас си-

туации на сцене враз обернется излишней идеализацией героя, а значит, разрушит замысел. А он не только в том, чтобы вывести прекрасного народного героя (хотя это важная часть замысла), но и в том, чтобы показать нам самим, какие изменения произошли в нашем нравственном бытии за десятилетия после войны.

В том-то и дело, что Иван несет в себе уходящую от нас память пережитого, а одновременно — и ту нравственную память, которая заложена в русских духовных истоках, в традициях нашего национального сознания. Нравственная память — это то, чем издавна мерился человек, это его совесть, честь, вера, скромность, верность слову.

И вот в этой изначальной нравственной установке происходит некое странное брожение, смещаются привычные критерии, и выходят на сцену персонажи, которые ставят честному Ивану в пример... бывшего полицая, предателя Гришку. Вот ситуация редкостная.

В Малом театре Ивана играет Виктор Коршунов. В Театре имени Пушкина — Георгий Бурков, и это само по себе интересно. Для Коршунова роль стала как бы противодействием сложившемуся ак-

терскому амплу, для Буркова — сценической разработкой характера, который хорошо ему знаком по ролям в кино. Если Иван в Малом — это и деревенский мужик с его характерным говорком и повадками, и вместе с тем некий собирательный образ русского Ивана, почти сказочно-лубочный персонаж, то Иван Буркова возвращает нас к тонкостям того народного характера, который полюбили мы в рассказах Шукшина.

«Иван и Мадонна» — трагикомедия, или современная трагедия (что ближе сути спектакля Малого театра).

ПУШКИНСКИЙ театр поставил спектакль в условно-символическом ключе. Но на сцене действуют живые люди. Образы, созданные актерами, очень узнаваемы: вот Мария... Актриса Н. Попова наполнила его глубиной, ощущением нелегкой женской доли. Трудная задача стояла перед актером А. Черновым. Ему надо было сыграть конкретного человека и некий символ, знак предательства. И на сцене ничто не отвлекает от характеров, от замысла. Подвижная деревянная конструкция легко перестраивается то в стену обветшавшего дома Ивана и Марью с простыми приметами деревенского быта, то в глухие, будто каменные ворота

Гришкиных хором. На этом лаконичном сценическом решении конфликт и выстраивается: не может Иван простить Гришке предательство, а другие вот простили, рукой махнули — сколько, мол, лет прошло.

Нет, не плохие люди советуют Ивану оставить Гришку в покое, «не позорить» село. Они же добра хотят, не понимая, что простить — значит предать память, окунуться в теплой избе за семью замками со сворой собак и телефонной будкой... Не думаю, что они не верят в добро. Верят. И слова о доброте и совести говорят часто, не скупятся на них, но то-то и оно, что вылились они у них со временем не в словесную даже, а во внутреннюю демагогию. Им не Иван непонятен — непонятны его нравственные устои. Не доверяют они им, что ли... А все потому, что за сильными, ухватистыми героями сегодняшнего дня наш Иван просто-напросто подзатыльник вместе со своей совестью и добротой. Поди распознай нынче доброго человека — Гришка тоже сегодня за этой «непамятливостью» народного добр.

Да не о нас ли это тоже? Всегда ли, «сея доброе», жарких слов не жалея, поступаем мы сообразно им в жизни? Не всегда. И не часто ли к лю-

дям, живущим тихо, скромно, бескорыстно, относимся, мягко говоря, как к «чудикам»? Вот такой «чудаковатый» Иван Георгий Буркова живет в спектакле Театра имени Пушкина.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ поставил спектакль в Малом театре по-иному. Его «Иван» — прежде всего о военной памяти, и разворачивается спектакль в виде грандиозной народной драмы. Реальность в нем причудливым образом смешана с абсолютной театральностью, «живой» фон из курлыкающих журавлей, звуков балалайки уживается с условными безрезками, избами и даже традициями «женского плача» на Руси. Из-за этих новых масштабов, очевидно, понадобилось пьесу расширить, дополнить отдельные сцены, довести ее до многоголосия.

В спектакле участвуют многие известные актеры Малого театра. Какие сочные, выразительные характеры создают они на сцене! И Р. Нифонтова, хотя роль Марьи для нее несколько непривычна; И. Любезнов — его старик Женьшень просто кладешь народного юмора, народной мудрости; молодой И. Лях в роли Петьки Богомать и опытные Е. Весник (генерал Дудник), В. Носик (почтальон Фунтик).

Но актерам не всегда легко существовать в иногда нарочитом «многоголосии» сценической формы. Театр иногда будто побаивается негромкого, камерного звучания пьесы. Появляются долгая, несколько затянутая и слишком уж привычно-обыденная сцена погребения Ивана, долгий разговор с генералом о войне, основные мотивы которого хорошо знакомы зрителю-читателю.

Но вот разворачиваются живые сцены, и возникает мгновенный контакт с залом, тянутся от зрителя к актерам целительные магниты доверия, проникаемся мы нравственной памятью, возвращающей к истокам. С памятью этой навеки породнится Иван, погибнув в финале от руки бывшего полицая Гришки.

Кому-то трагический финал «Ивана» покажется слишком сильным приемом для современной пьесы. Но трагическая смерть эта заостряет конфликт, вызывает к активному сопереживанию наше нравственное и гражданское чувство. От кого, как не от нас, зависит, какими мы станем, что растеряем на дороге времени, а что собережем? Только мы можем ответить на вопрос: будет ли жива память?

Н. РТИЩЕВА.